

НАТАЛЬЯ ИРТЕНИНА

СТАРИННАЯ БИТВА ЗА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

Монахи-первопроходцы и русский арктический фронт

Геополитика – неперемнная составляющая всякой христианской миссии. А Православная Церковь как столп русской цивилизации – один из крупнейших факторов российской геополитики. Иногда она геополитический инструмент в руках государства, но чаще – субъект, независимая сторона на поле битвы за распространение своего влияния в мире, на больших политико-географических пространствах. Геополитический вектор простирается из самой сути служения Церкви, призванной нести Слово Божие до пределов Вселенной. В отличие от других участников битвы – государств, корпораций, – ей важны не территории и их ресурсы, включая человеческие, а приобретение для Царства Небесного людских душ. Отнять это свойство вселенской геополитической субъектности у Церкви невозможно.

Русское государство нередко шло лишь позади Церкви, отставая от неё на отдельных направлениях практической геополитики и позднее пользуясь политическими плодами христианской миссии. Так было, например, на Севере, где важнейшая часть российского Заполярья, ныне база Северного флота и арктический плацдарм России, была приобретена благодаря церковному подвижничеству и церковному покровительству над Мурманским краем...

Земли, которые зовутся Русским Севером, несколько столетий, начиная с XI-го, были фронтиром Древней Руси – территорией естественного роста русской цивилизации. Эти края осваивали сборщики дани с туземных народов, затем русские первооселенцы, промысловые люди, земледельцы. В дремучих северных лесах единственным человеческим жильём нередко оказывалась избушка монаха-пустынника. Изначальным порывом этих одиночек, жаждавших уединения с Богом, процвёл в XV–XVII веках Русский Север от Заволжья до Ледовитого океана. Усилиями одних колонистов-промысловиков расцвет не случился бы. Нужна была консолидация сил, организующее начало. Таким началом становились монастыри.

Обычно процесс монастырской колонизации происходил так. Приходил отшельник, поселялся в глухом месте, рубил церковь или часовню. Чуть погодя образовывалась община, составлялся монастырь. Князья жаловали ему земельные владения, промысловые угодья. Через четверть века вокруг кипела жизнь: погосты, села, распахки, дороги, ремесла, промыслы. Местное языческое население прилеплялось к русской жизни через проповедь Христа и добровольное крещение. В истории Севера известен лишь один народ, не пожелавший принять русскую веру и государственность. Легендарная чудь, не имея сил противостоять Руси, по преданию, “ушла в землю”, а по скандинавским источникам – переселилась в XIII столетии в Норвегию. Ещё долго напоминанием о ней были зараставшие лесом чудские городища, наверняка считавшиеся у окрестных жителей “плохими местами”, где безоб-

разит нечисть. Военных столкновений при колонизации этих земель Русский Север почти не знал.

Но на северо-западном порубежье вырисовывалась иная картина. Здесь сперва Господину Великому Новгороду, затем Московской Руси пришлось столкнуться с жёсткой конкуренцией шведов, норвежцев и датчан. Западные соседи-христиане тоже хотели видеть в местных язычниках своих подданных.

Новгород в XII–XIV веках распространил свою руку широко и далеко за пределы нынешних границ России. Дать ему платили карелы, жившие на землях нынешней Финляндии вплоть до Ботнического залива Балтики (на русский лад – Каяно-моря). А также лопари-саамы всей северной Лапландии, от Кольского полуострова до северо-запада нынешней Норвегии. Острота ситуации заключалась в том, что Лапландия, не принадлежа никому, платила дань и русским, и норвежцам, и шведам, то есть была троеданной. А в Северной Ботнии (на Каянской земле) вперемежку с карелами, новгородскими данниками, расселялись финны, тяготившие к Швеции. Это была территория постоянных вооружённых конфликтов, то разгоравшейся, то затухавшей войны.

Стычки между сборщиками дани всех трёх сторон перерастали в военные походы. Но чаще это были просто разбойные набеги. Особенно частыми они сделались с тех пор, как норвежцы и шведы стали нарушать “конвенции”. По Ореховецкому договору 1323 года Каянская земля, то есть Восточная Ботния, где на “семи реках” жили карелы, платила дань Новгороду. Полвека спустя шведы построили там свою крепость Оулу, а вокруг расселились подвластные им финны. С тех пор русские навсегда потеряли Каянь. Норвежцы же ещё раньше поставили своё укрепление Вардегус – “Сторожевой дом” – на берегу Ледовитого океана (современный город Вардё). Хотя по договорам никаких постоянных поселений в районе общего сбора дани строить было нельзя никому.

В набеги на норвежцев и финнов обычно отправлялись новгородские крещёные карелы со своими воеводами. Предание об одном из них рассказывает: некий знатный “корелянин” Валит разбил в бою норвежцев и на месте побоища, недалеко от Вардегуса, поставил своё укрепление из камня – Валитово городище. Жил он то ли в XIV, то ли в XV столетии.

Русская же колонизация добиралась до холодных тундр и скал Лапландии неспешно. Суровые условия Заполярья, считавшегося к тому же колдовским краем, долго не привлекали в качестве места поселения промышленников-поморов. Мурманский берег Ледовитого океана, или Мурман, русские поселенцы начали обживать лишь во времена Ивана Грозного.

Но русские монахи впервые появились “на Студёном море, у Мурманского рубежу”, то есть на Кольском полуострове, намного раньше – в конце XIV века. Это случилось после того, как пустынный Евфимий основал возле устья Северной Двины, на Белом море, Николо-Корельский монастырь. Берега великой северной реки были давно обжиты новгородцами, но края дальше “на полночь” ещё долго оставались дики и малолюдны. Разве что рыбаки-поморы ставили по берегам сезонные летние становища. А первое постоянное русское поселение на Кольском полуострове организовали Евфимий Корельский и его собратья. Это был монастырский Корельский погост на реке Варзуге, на южном, Терском берегу полуострова, у Кандалакшской губы Белого моря. Он появился в том месте, где ещё в начале XIV века был построен деревянный острог. Карельские сборщики дани, служившие Новгороду, использовали крепостицу для временного хранения дани, собираемой с кольских лопарей.

Николо-корельские монахи стали первыми христианскими просветителями “дикой лопи” и северной некрещёной “корелы”. Пути их проповеди шли вдоль беломорских берегов и далее, на Мурманский рубеж, в норвежскую сторону. Проповедь была наглядна: в устьях рек и у морских губ монахи ставили церкви, часовни, скиты. Все эти спорадические очаги христианства получали имя Николая Чудотворца, покровителя плавающих и путешествующих. Со временем вокруг церквей разрастались поселения поморов. Память об этих Никольских путевых “столпах” запечатлелась в поморском присловье “от Холмогор до Колы тридцать три Николы”. Кола – бывшая столица полуострова, а ныне пригород Мурманска. Но в реальности “Николы” ушли намного западнее Колы – до самого норвежского Сторожевого дома, крепости Вардегус. В русских источниках XVI века упоминается загадочный “монастырь св. Николая против Варгава” (русское название Вардегуса). Некогда он был разорён то ли шведами, то ли норвежцами. Следов его не сохранилось.

Со временем возле церкви обживались поморские промышленники, вырастали села. Край мало-помалу наполнялся русскими поселенцами.

В те времена Баренцево море называлось на Руси Мурманским. Оттуда, огибая Кольский полуостров, приплывали в Беломорье мурманы – норманны, чтобы пограбить здешние поселения. Викинги бывали на берегах “Бьярмланда” и Северной Двины задолго до появления здесь русских. А самый крупный из зафиксированных летописью набегов случился в 1419 году. В ответ на новгородское “повоевание” норвежцев в Белое море “пришли мурмане войною в 500 человек”. Сперва они сожгли Корельский погост, затем поплыли к устью Двины, разорили Николо-Корельский и Михайловский монастыри, три церкви и поселения поморов на окрестной территории, вырезали людей, включая монахов. Им всё же дали отпор: двиняне захватили два судна, на остальных разбойники убежали. Главный удар норвежцев был направлен на очаги православно-проповеди в крае, а это значит, что конкуренты хорошо понимали, на чём держится русская колонизация Севера, что без Православия и распространения его среди местных язычников Русь не закрепится на этих землях.

Николо-Корельский монастырь был возобновлён полвека спустя на средства знаменитой новгородки Марфы Посадницы (либо, по иной версии, какой-то другой новгородской боярыни Марфы). К тому времени Беломорье уже освящалось молитвами иноков новой обители на Соловецких островах. Слава одного из её зачинателей, Зосимы Соловецкого, была так велика, что “многие из окрестных дикарей сами приходили к нему, принимали святое крещение и даже постригались в монашество”.

Ну, а неофициальные боевые действия на порубежье продолжались. К примеру, русские не забывали, что Каянская земля по праву принадлежит им, и ходили туда за данью. Итогом этих походов были пепелища ограбленных финских поселений, с русской точки зрения, возникавших там незаконно. Шведы с норвежцами ответно посылали свои судовые рати на Белое море. Но таких кровавых разгромов, как в 1419 году, им уже не давали совершать.

Московская Русь, включив в свой состав новгородские владения, заполучила в наследство и эту проблему. Во время русско-шведской войны конца XV века Иван III отправил большую рать на Каяно-море. Войско, набранное в северных русских землях, переплыло Белое море и реками ушло к Ботническому заливу, повоевало там карельских жителей “семи рек” и привело их под присягу московскому князю. Однако присоединить территорию всё же не удалось – слишком труднопроходимые леса и болота отделили её от русской Карелии. Разбойная война на пограничье вскоре возобновилась.

Участником этой негласной войны был молодой дворянин родом из Торжка. Звали его Митрофан, но в историю он вошёл под именем Трифона Печенгского – православного святого, основателя самого северного (в России и в мире) монастыря, русского форпоста на Мурмане. В начале XVI века он был предводителем одного из отрядов то ли сборщиков дани, то ли охотников за добычей, что периодически наведывались в Каянские края и более северную норвежскую Лапландию. По собственному его рассказу, записанному позднее голландским купцом Симоном ван Салингеном, он “был грозным для врагов воином, много народу ограбил и разорил на границе и много крови пролил, в чём раскаялся и о чём горько сожалел”.

В преданиях саамов сохранилась “романтическая” история о том, как жестокого атамана разбойников Трифона сопровождала в походах его возлюбленная Елена, и как однажды он в припадке гнева нечаянно её убил.

Сильнейший порыв раскаяния погнал его на край земли. Около 1514 года Трифон в одиночестве ушёл далеко на север, на мурманское побережье океана. Через пять лет горьких скитаний он встретил другого пустытника, монаха Феодорита. Судьба свела двух будущих просветителей Русской Лапландии, и с этих пор они, позже расставаясь на годы, никогда не теряли друг друга из вида.

Феодорит Кольский пришёл на Мурман, имея вдохновенный замысел приобщать к христианству лопарей. Этот народ издревле стяжал славу страшных колдунов. Норманны называли их “языческими чудовищами”. Тёмное лопское колдовство вызывало опасения у окрестных народов, в том числе христиан и в том числе русских. Шведы и финны выведывали у лопарей секреты их “боевой магии”. Даже Шекспир был наслышан о них: “Не сомневаюсь я, // Что это всё проделки чародейства, // Что много здесь лапландских колдунов” (“Комедия ошибок”, перевод П. Вейнберга). Особенно могучими чародейями, приручившими бесовскую силу, слыли кольские лопари. Так что

проповедь христианства в этих краях была связана не просто со смертельной опасностью (могли убить), но и с риском погубить собственную душу. Этот тяжёлый труд был по плечу лишь настоящим святым, которые могли без вреда для себя побороться с бесовскими кознями и мороками.

Трифон, ещё не став монахом (постриг он смог принять лишь когда истекли 20 лет его покаяния), многому научился от опытного в духовных делах Феодорита: молитве, православной аскетике. Перенял у него миссионерское горение духа. О плодах их деятельности рассказывают летописи: в 1526 и 1532 годах к великому князю Василию III и новгородскому архиепископу Макарию приходили послы от лопарей с просьбами прислать им священников, чтобы крестить уверовавших, освятить церкви и начать богослужение. Храмы были поставлены в южной части Кольского полуострова – в Кандалакше и на севере – в вершине Кольской губы, на месте будущей Колы.

Вскоре оба подвижника сами отправились в Новгород. К обширной новгородской епархии относились тогда все северные земли до океана. Феодорит и Трифон поведали владыке о своих трудах и нуждах новокрещёных лопарей. Макария, будущего митрополита всея Руси, просветителя, радителя русской культуры и государственности, их рассказ обрадовал. Наверное, после он сам завёл речь о необходимости утверждения Руси в малолюдном лопском краю, наполнения его христианским духом, устройства там центров русского присутствия – монастырей. Из двух кольских подвижников, может быть, глубже понимал эти заботы Макария именно Трифон. На опыте собственной боевой молодости он убедился, насколько острой была нужда в присутствии государства на карельских и лопских землях, где царил разбойная воля пришельцев со всех сторон: кто сильнее, тот и взял. И насколько зыбки там заявляемые права на ту или иную территорию.

Вернувшись на Мурман в 1533 году, Трифон положил основание своему монастырю на самом западном пределе, где обитель могла существовать относительно безопасно, не искушая воинственность норвежцев. Приведя с собой строителей, он поставил Троицкую церковь на реке Печенге, что впадает в Варяжский залив (Варангер-фьорд), на западном берегу которого стоял норвежский Вардегус. В тех местах, где заканчивалась прибрежная череда “тридцати трёх Никол”. Феодорит же через несколько лет основал свою обитель, тоже Троицкую, на острове в устье реки Колы, впадающей в Кольскую губу, а немного позднее ещё одну – в Кандалакше.

Все три сыграли свою роль в христианизации Мурманского края. Многие лопари сами принимали в них монашеский постриг. Феодорит составил для саамов азбуку, переводил на их язык Священное Писание. Но из всех трёх монастырей державное значение четверть века спустя приобрёл именно Трифонов. В середине 1550-х годов Иван Грозный выдал обители грамоту на владение и хозяйственное освоение земель к западу и востоку от Печенги, до самой Колы. Вероятно, тогда же монастырь сделался ставропигиальным, то есть вошёл в подчинение непосредственно главе Русской Церкви. Таким статусом обладали лишь несколько самых значимых для страны обителей.

В 1560–1580-х годах Трифонов монастырь был центром экономической жизни Кольского полуострова. Монахи и монастырские работники занимались рыболовством, солеварением, добычей пушного зверя, птицы и речного жемчуга. Была своя верфь, строили суда. Поначалу монастырь отправлял гружёные корабли в Норвегию для торговли, но вскоре на Печенгу стали приплывать иностранные купцы. Первыми были голландцы, и в устье Печенги образовался крупный узел русско-нидерландской торговли. Вторым экономическим центром края стала Кола, но не как монастырское поселение, а как торговый и промысловый порт. Торговали не только северным промысловым товаром. Русские купцы везли из центральной Руси для продажи иностранцам зерно, лён, воск, дёготь, пеньку и пр. Гавани Печенги и Колы составляли мощную конкуренцию торговле англичан в Холмогорах на Северной Двине. В Коле обосновались тогда крупные промышленники и купцы Строгановы.

Наверное, Трифону “стяжательская” деятельность его обители была не по душе. Сам он до последних дней жизни даже спал на полу, постелив рогожу, и монахов своих учил “не любить мира и всего, что в мире”, хранить смирение и воздержание. Но он также понимал, что русская колония должна расти и крепнуть, а это невозможно без обширного хозяйства.

Примерно в это время норвежцы, а точнее – их датские правители максимально затрудняют русским сбор дани в западной Лапландии. В ответ их самих,

как чуть ранее шведов, отлучили от взимания дани с кольских лопарей. Общий круг сбора дани сузился до района, очерченного Печенгой и рекой Нявдема (Нейден) немного западнее. “Ничейный” статус эта земля сохраняла ещё два с половиной столетия. Однако и там возникали русские островки – поселения монастырских работников, церковь Бориса и Глеба, построенная Трифоном на реке Паз (Патсойоки), им же поставленная часовня Святого Георгия у Нявдемы.

Активная промысловая деятельность монастыря и русско-европейские торговые обороты на Мурмане вызывали раздражение у Швеции и Дании (чьей провинцией была Норвегия). Оба королевства рассматривали эти края как собственность и считали свои интересы ущемлёнными.

Между Данией и Русью завязались дипломатические споры по поводу лапландских территорий и их разграничения. Длились они не один десяток лет. Датский король и его посланники пеняли московскому царю на то, что русские построили в норвежских владениях свои монастыри и притесняют датских подданных, чиня им убытки. Послы Дании в переговорах с русской стороной чётко формулировали свои претензии: “Вся Лапландия принадлежит Норвегии; из расположения к царю король уступает ему южную часть (Терский берег Кольского полуострова, давно заселённый поморами. – **Авт.**) и себе оставляет лишь северную”. Уже упоминавшийся голландец ван Салинген, по совместительству датский шпион, составил подробную карту Лапландии и Русского Севера. На ней поперёк Кольского полуострова он начертал слово “Норвегия”.

Московское правительство било доводы датчан своим козырем: “Лопская земля искони вечная наша вотчина за много лет... и на той земле монастырь Печенский и волость Кола... и Нявдема, и Паз-река, и погост Мотоцкой искони поставлен, и в них живут наши люди русские и корельские, и лопь крещёная и некрещёная...”

Печенгский монастырь в этом споре играл роль пограничного столба. На протяжении десятилетий Россия и Дания предъявляли друг другу свои выкладки: когда именно он появился, то есть чьи права на территорию древнее. Датчане относили его возникновение к 1530–1540-м годам, Москва настаивала на более ранней датировке – около начала XVI столетия. Если подразумевать Трифонов монастырь, то датчане были ближе к истине. Но русские дипломаты, скорее всего, имели в виду тот самый загадочный Никольский монастырь “против Варгава”, исчезнувший со временем не без помощи западных соседей. Так, в грамоте царя Фёдора Ивановича датскому королю от 1582 года сказано: “Тот Печенский монастырь блиско ста лет, как стал”. Кроме того, русские переговорщики знали о новгородском воеводе Валите, который “воевал ту землю и к Новгороду прилучил, и дань на них положил... и многие лопари в тех годах крестились при Геннадие, архиепископе Новгородском, тому ныне (в 1603 году. – **Авт.**) со сто двадцать лет”.

В 1580-х годах датчане даже начинали боевые действия на Мурманском море, которое их король Фредерик II объявил своим “заливом”. Совершенно по-пиратски захватывали европейские суда, препятствовали торговле. Два десятка лет спустя датские послы по инструкции последовательно предлагали царю Борису Годунову уступить королю 1) всю Лапландию, 2) часть её, 3) хотя бы один Печенгский монастырь. Дания очень хотела завладеть этой обустроенной и богатой колонией на Печенге. Предлагала заплатить за весь край 50 тысяч талеров. Но московское правительство заявило, что и пяди не отдаст ни за какие деньги. Это было невозможно даже гипотетически. Отдать православную обитель в руки протестантов, последователей “люторской ереси”? Никогда! Да и с какой стати! Вся лопская страна – древняя вотчина московских государей, норвежский Варгав/Вардегус должен быть разрушен, поскольку за ним ещё тысяча верст искони русских земель.

К иным средствам для овладения Кольским полуостровом и Поморьем прибегла Швеция. Ещё в 1570-х годах во время Ливонской войны шведские суда входили в Белое море и нацеливались на захват Соловецкого монастыря. Русское правительство после этого озаботилось военным укреплением края. На Соловках начали возводить мощную монастырскую крепость из дикого камня-валуна. В последующих войнах островная обитель стала центром обороны Поморья, её игумен имел едва ли не воеводские полномочия. Были также построены Сумской острог на Белом море и Кольский на Мурманском. Печенгский монастырь тоже обзавелся деревянными крепостными стенами с башнями – по всем правилам тогдашней фортификации. Вот только гарнизон туда, в отличие от Соловков, не прислали.

В 1589 году шведы стали готовиться к очередной войне с Россией. Но ещё до начала открытых боевых действий они дали отмашку партизанскому войску финнов. Весной и летом те совершили два разбойных налёта на западный берег Белого моря. Был уничтожен Кандалакшский монастырь, при этом вырезано было 450 человек монахов и мирян, разорены и пожжены несколько крупных поморских селений.

В декабре того же года финский отряд тайно, под покровом полярной ночи подошёл к Печенгскому монастырю. По пути уничтожал всё живое при монастырской верфи на Паз-реке, в посёлке возле гавани. Вероятно, в монастыре нашёлся предатель, открывший разбойникам ворота крепости. В одну ночь были зарезаны и замучены пытками около сотни иноков, послушников и монастырских трудников. Известны имена 95 убитых, но местное предание говорит о 116 мучениках. Четыре века спустя, в наше время, все они были причислены Русской Церковью к лику святых. Сам монастырь финны сожгли дотла. Следующей их целью была Кола, но попытка захватить город наскоком окончилась бегством уцелевших остатков отряда.

Организатор и предводитель этих трёх кровавых набегов на Русь — Пекка Весайнен, национальный герой финнов. В Финляндии ему поставлены несколько памятников.

Через год гораздо более крупный шведский отряд снова штурмовал Колу, но взять не смог. Спустя 20 лет, во время Смуты, шведское войско опять приступало к городу и вновь было отброшено.

Печенгский монастырь после финского разорения возродился по указу царя Фёдора Ивановича на новом месте, в Коле, под защитой её крепостных стен. Там он просуществовал до закрытия во времена Екатерины II. Но монахи не оставляли пепелище, где были погребены печенгские мученики и неподалёку, в старой церкви, находилась могила святого Трифона. Несколько человек жили там в скиту постоянно. А при монастырской церкви Бориса и Глеба на Паз-реке действовал лопарский православный приход.

Дания же ещё 200 лет ежегодно отправляла в Колу своего посланника. Тот выражал официальный протест по поводу запрета датским представителям собирать дань с кольских лопарей. Со временем эти визиты превратились в ритуальное и приятное гостевание. Датского посланца принимали с русским хлебосольством.

В 1820-х годах российские и норвежские власти наконец решили покончить со странной ситуацией, когда между государствами фактически отсутствовала граница. Генерал-губернатор края собрал необходимые сведения. В его отчёте министру иностранных дел России фигурировали Печенгский монастырь, грамота Ивана Грозного, отдавшая во владение монахам земли к западу, и Борисоглебская церковь. Было сказано, что вся эта официально “ничейная” территория — исстари российская. “Могла ли быть выстроена церковь в 1565 году и ныне существующая за рекою Паз, когда бы не принадлежала земля та России?”

Когда местные жители узнали о результатах разграничения, разразился скандал. Петербургский чиновник, проводивший вместе с норвежцами границу по Паз-реке, легкомысленно подарил им большой кусок земли на восточном берегу реки, у океана. Но Борисоглебский храм на западной стороне реки всё же остался в России — граница вильнула, охватив квадратный километр территории с церковью. Сейчас это российский анклав, отделённый от России рекой и пограничной полосой. Попасть туда обычному человеку затруднительно. А вот Георгиевская часовня ушла в Норвегию.

После закрытия Печенгского монастыря промысловая жизнь на Мурмане стала угасать. Богатые рыбой места обезлюдели до того, что во второй половине XIX века правительство начало выдавать денежные пособия тем, кто соглашался переселиться в Русскую Лапландию. В 1880-х годах возродили и саму обитель на старом месте, на Печенге. Ненадолго. После 1917 года вся приграничная территория вместе с Печенгой отошла к Финляндии. Во время Великой Отечественной монастырь был уничтожен: монахи изгнаны, строения разрушены в ходе боев.

Но немцев в 1941 году остановили и удержали именно на этом рубеже. Дальше Печенги они смогли продвинуться лишь на 50 км.

В историографии не принято учитывать метафизические нюансы. А с точки зрения христианской историософии, место погребения святого подвижника и некогда пролитая кровь мучеников могут служить сильным геополитическим

фактором. Земля, в которой лежат погибшие русские солдаты, для России навеки свята. А земля, где лежат русские святые, обгаренная их мученической кровью, навеки... русская. По высшему счёту.

Уже в наше время при раскопках фундамента древнего храма, где, по преданию, находится погребение самого Трифона Печенгского, обнаружили большую братскую могилу советских воинов. Они погибли в 1944 году при освобождении этой территории от фашистов и были похоронены как святые – внутри церковных стен, пускай и не сохранившихся.

После войны район Печенги вернулся в Россию (СССР). В 1990-х вокруг единственной уцелевшей монастырской церкви, под алтарем которой лежали кости древних печенгских мучеников, снова образовалась монашеская община.

Что было бы, не появившись на Мурмане в XVI веке русские монастыри? Из Москвы этот далёкий край виделся слишком туманно, расплывчато, возможно, и не стали бы держаться за эти земли так крепко. Даже в первой половине XIX века российские чиновники считали эту окраину слишком убогой, бесплодной и бесперспективной (“Мурман – земля необитаемая. Там могут жить два петуха и три курицы”, – гласила резолюция военного губернатора Архангельска генерал-майора А. И. де Траверсе). Чуть позднее, в том же столетии в столичных придворных кругах родилась идея продать Кольский полуостров Англии, как Аляску продали американцам. Англичане имели виды на Поморье ещё за два с лишним века до того, вслед за шведами разрабатывали проекты его силового захвата и колонизации. Дальше, за Беломорьем им светил путь к сибирским богатствам, освоенный поморами, – на Обь, Енисей. В XVI–XVII веках англичане и голландцы настойчиво отправляли в Сибирь одну морскую экспедицию за другой (правда, не достигали цели). Те и другие предполагали основывать свои колонии на берегах Северного океана и на сибирских реках. Шведов, заполучи они беломорскую “Кемску волость” и Кольский полуостров, тоже, наверное, поманила бы сибирская пушнина.

Конфигурация северных границ России сейчас могла бы быть совсем иной. Но на пути у западных соседей изначально встала русская монастырская колонизация и идущая с ней бок о бок церковная геополитика. Государство в XVI веке вынуждено было взять под свою защиту освященный Церковью заполярный край земли.

Святые Трифон и Феодорит оставили глубокий след в жизни лопарей-саамов. Писатель-помор Борис Шергин в середине XX века записал быль о том, как помирал старый лопарь. Пришла по его душу Смерть, и старик попросил у неё, чтобы лежать ему в родной, отеческой земле. “Где твоё отечество?” – спросила Смерть. Лопин, всю жизнь кочевавший со своими оленями между Русью и “датской стороной” (Норвегией), выпросил у неё отсрочку, чтобы найти ответ. Стал спрашивать у рода-племени: “К какой земле мне приложиться?” Внуки отвезли лопаря к Феодориту Кольскому. “Добро тебе и роду твоему сообщиться с Русью, приложиться к языкам Руси”, – услышал старик от Феодорита. Когда опять пришла Смерть, он рассказал, в какой земле решил помереть. “Знал ты, лопин, с кем подумать! Кабы ты сдумал на Датскую сторону, то бы и род твой без имени остался, и твоя память в забвение пришла”, – усмехнулась Смерть.

Те лопари, которых в XIX веке отрезало границей от России, давно сдлались протестантами. Но память их всё же не совсем пришла в забвение. С 1992 года в Норвегии при Георгиевской часовне в Нейдене действует православный приход. И паломничают норвежские саамы к Борисоглебской церкви на Паз-реке. “Не может умереть лопарь, не помолившись у Бориса и Глеба”, – говорят они.

Наверное, мало в России монастырей, схожих судьбой с Трифонов-Печенгским. Может быть, он один такой, не однажды умиравший и воскресавший, всяк раз на новом месте. Посетивший монастырь в августе 2016 года патриарх Кирилл сказал о нём: “Это одна из самых славных исторических обителей Русской Православной Церкви”.

Трудно, скудно живётся там, у берегов Ледовитого океана. Сейчас в монастыре на Печенге подвизаются всего несколько монахов и чуть больше десятка послушников. Но с горсткой иноков он и сегодня – форпост русского духа на севере, в Русской Арктике. Государство Российское многим ему обязано.